

Т.В. ПАВЛОВА

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
И МАССОВАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА***

Предметом анализа в данной статье является политическое представительство, рассматриваемое в контексте массовой политики, которая трактуется нами как вовлечение значительной части граждан в политику через создание институтов участия, мобилизации, представительства и действия. В процессе институционализации массовой политической активности происходит формирование активного, компетентного гражданина – субъекта институциональных изменений, способного к самоорганизации, осознающего свои интересы и нуждающегося в политическом представительстве для их выражения. Именно через механизмы политического представительства (главные из них – выборы и политические партии) и реализуется в первую очередь вовлечение граждан в политический процесс.

**Концепция представительства
в современной теории демократии**

В классической работе американского исследователя Ханны Питкин [Pitkin, 1967], посвященной концепции представительства, политическая репрезентация определяется как деятельность, на-

* Статья выполнена в рамках проекта «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (грант РГНФ 13-03-00338/13).

правленная на то, чтобы голоса, мнения и точки зрения граждан присутствовали («present») в опосредованной форме в процессах формирования публичной политики [Representation, 1969]. В представительной (демократической) форме правления политические акторы выступают, формулируют позиции и действуют от имени других на политической арене, выполняя функцию «опосредования, делегирования и обозначения» [Магун, 2012, с. 83].

Репрезентация, как отмечает голландский исследователь представительства Франклин Анкерсмит, вынуждает людей «идентифицировать себя с определенной позицией» [Анкерсмит, 2012, с. 286]. С другой стороны, она же «способствует формированию нашей идентичности» [Анкерсмит, 2012, с. 287]. Политическая репрезентация, по мнению Анкермана, по сути своей является символом всякой политики, поскольку она позволяет ориентироваться в поле политики и преодолевать «парадоксы и хаос несоизмеримостей», которые присущи социальной и политической реальности [Анкерсмит, 2012].

Народ управляет не напрямую, а «опосредованно, через посредство *репрезентации*, которая, основываясь на системе фиктивных отождествлений, “собирает” народ *воедино* в политическом теле парламента» [Магун, 2012, с. 82]. При этом между «представителем» и его избирателями (constituency) возникают «институционализированные и формализованные отношения, рассматриваемые как важная черта законодательной власти в представительной (или демократической) форме правления» [Castiglione, Warren, 2005, p. 5]. Происходит, следовательно, институционализация политического представительства.

Суть классической модели политического представительства – в том виде, в каком она сложилась в эпоху Модерна, – обеспечение политического равенства через *делегирование* (в отличие от наследования) гражданами властных полномочий своим представителям в ходе свободных и честных выборов, *подотчетность* правительства и *влияние* граждан на его действия.

В энциклопедии, изданной Колумбийским университетом, представительство определяется как «средство, с помощью которого весь народ может участвовать в управлении через механизм, позволяющий значительно меньшему числу людей действовать от его имени» [Representation, 2013]. Энциклопедия Британника дает следующую дефиницию политического представительства: «Метод

или процесс, делающий возможным влияние избирателей на законодателей и политику правительства через избранных ими депутатов» [Representation, б.г.].

В последние десятилетия концепт представительства в современной теории демократии был существенно расширен, в него были включены, наряду с традиционными, институционализированными формами (политические партии, группы влияния и т.п.), иные, неинституционализированные формы политического участия (социальные движения, неформальные группы гражданских активистов и пр.). В условиях кризиса традиционного института политического представительства – политической партии – именно они стали выразителями интересов новых социальных групп и новыми представителями интересов граждан.

Таким образом, демократическое представительство определяется в современной теории демократии как механизм реализации влияния граждан на процесс принятия политических решений (через политическое представительство и иные, неинституционализированные формы политического участия). При этом обращается внимание на значительный рост «неинституционализированного участия» практически во всех западных странах [Citizens and the state, 1995; Norris, 2002; Democracy transformed, 2003]. Обозначенная тенденция не является, однако, по мнению многих авторитетных западных исследователей¹, свидетельством несостоятельности представительной демократии, которая «вполне совместима с определенной степенью прямого воздействия граждан на формирование политики» [Манен, 2008, с. 316].

«Представительные институты, – утверждает Манен, – обладают большей адаптивной способностью, чем это принято считать» [Манен, 2008, с. 316]. Развиваясь на протяжении двух веков начиная с XVIII в., система представительства продемонстрировала высокую адаптивность благодаря своей сложной, многосоставной структуре [Landemore, 2007] – комбинации институциональных механизмов, которые Манен называет «принципами представительного правления». Обычно выделяются четыре основных принципа:

¹ Среди них – французский исследователь Бернар Манен, автор известной книги «Принципы представительного правления», вышедшей в 1997 г. и переведенной на русский язык в 2008 г. [Манен, 2008].

«1. Управляющие назначаются посредством регулярных выборов.

2. Процесс принятия решений властью сохраняет определенную независимость от желаний электората.

3. Управляемые могут выражать свои мнения и политические предпочтения независимо от управляющих.

4. Публичные решения проходят испытания дебатами» [Манен, 2008, с. 15].

Система представительства обеспечивает, таким образом, как самостоятельность решений, принимаемых избранными должностными лицами, так и влияние на них рядовых граждан. Свобода информации и гарантия свободно выражать свое мнение вынуждают систему реагировать на проявления недовольства действиями политиков и устранять причину недовольства в ходе электоральной конкуренции. Тем самым, заключает Манен, представительное правление «содержит саморегулятивные и даже самотрансформативные механизмы» [Landemore, 2007, p. 11].

Так, различные проявления общественной активности, выступления против власти могут стать, по его мнению (с которым солидарна Надя Урбинати¹), стимулом для решения в рамках представительной системы проблем, связанных с неравенством и несправедливостью, которые поднимают их участники.

Способность существующих политических институтов адаптироваться к ситуации массового участия в политике, структурировать массовое участие играет, по мнению Сэмюэла Хантингтона, ключевую роль в процессе перехода к современному институционализированному обществу [Хантингтон, 2004, с. 104]. В отличие от активистского, современного типа общества, в массовом традиционном обществе «отсутствуют организованные структуры, которые могли бы соотносить политические устремления и действия населения с целями и решениями его лидеров... возникают прямые отношения между лидерами и массами... массы доступны мобилизации со стороны лидеров, а лидеры доступны влиянию со стороны масс» [Хантингтон, 2004].

Проблему способности системы представительной демократии к адаптации в эпоху кризиса как социального, так и политиче-

¹ Надя Урбинати является автором фундаментальной монографии на тему представительной демократии [Urbinati, 2006 b].

ского доверия рассматривает известный французский философ Пьер Розанваллон в рамках предлагаемой им оригинальной концепции «контрдемократии» [Розанваллон, 2012]. Путь к преодолению кризиса доверия он видит в создании институтов, призванных стать «демократической формой политического недоверия» (которые он называет «контрдемократией») и дополнить существующие представительные институты. Первый из институтов «политического недоверия» – институт надзора, в котором Розанваллон видит «главное средство от институциональных дисфункций и, в частности, от “энтропии представительства”», т.е. «ослаблении связей между избирателями и их депутатами» [Розанваллон, 2012, с. 4]. Речь идет о контроле и оценке деятельности правительства со стороны гражданского общества, надзорные полномочия которого постоянно расширялись и диверсифицировались.

Вторая форма недоверия, встроенная в структуру контрдемократии, – «прерогативы общества в сфере санкций и превентивных мер» [Розанваллон, 2012]. Они также расширились, найдя выражение в различных формах «вето, исходящих от разных общественных, экономических и политических групп» [Розанваллон, 2012, с. 5], которые периодически отстаивают свое право на проявление народного суверенитета в виде разного рода отрицательных реакций на действия властей (уличные протесты, возмущенные публикации в СМИ и т.п.).

Наконец, третий фактор в структуре контрдемократии – «превращение народа в судью» [Розанваллон, 2012], под которым подразумевается право народа на вынесение суждения относительно предпринимаемых политических действий. На «фоне деградирующей отзывчивости властей в отношении гражданских запросов и требований» [Розанваллон, 2012] растет спрос на *подотчетность* их деятельности.

Вводя эти новые отправные точки анализа современной представительной демократии, Розанваллон подчеркивает, что для преодоления разочарования современных демократических обществ в политических лидерах и институтах недостаточно просто усовершенствовать существующую представительную систему, но необходимо более широко посмотреть на проблему демократии, используя как социологические, так и политологические подходы.

Политическая практика представительства, отмечают исследователи данной проблематики, может в равной степени способст-

вывать как включению, так и исключению масс из политики [Rehfeld, 2005; Plotke, 1997]. В условиях кризиса традиционных форм представительства (партий и других организаций) ключевой проблемой становится налаживание новых каналов представительства и поиск новых площадок для формулирования индивидуальных и групповых интересов, создания пространства для публичного дискурса, делиберации и других форм согласования интересов.

В контексте проблемы исключения Р. Далтон указывает на то, что использование новых методов политического участия, методов прямого действия требует большей личной активности, больших политических навыков и больших ресурсов, чем традиционные способы представительства и участия. А это увеличивает разрыв в возможностях участвовать («participation gap») между низкостатусными группами и высокостатусными индивидами [Dalton, 1996, p. 4].

В последние два десятилетия в западной политической науке активно обсуждается проблема кризиса классической модели и механизмов политического представительства (прежде всего, такого важнейшего института, как политические партии), которые, по мнению многих граждан, не являются более легитимной формой представительства интересов. Констатируется, что в сложном современном обществе, с присущим ему разнообразием интересов и тенденцией к большей индивидуализации, традиционные институты представительства не отражают интересов многих социальных групп, не обеспечивают достаточно широкого доступа граждан к процессу принятия политических решений [см., например: Castiglione, Warren, 2013; Caiani, 2002, p. 8–9; Urbinati, 2006 a]. Так, например, Ульрих Бек ставит вопрос о том, что происходящие в обществе позднего Модерна процессы глобализации и индивидуализации могут иметь в качестве политических последствий возникновение иной формы политического, основанной на «правах человека и нравственном, альтруистическом индивидуализме», и замену представительной формы демократии «индивидуалистическим республиканизмом» [Бек, 2002].

Сущностной чертой модели современного демократического представительства является «политическое самостояние индивидов как граждан, уполномоченных наделять представителей властью и затем держать их под контролем» [см., например: Castiglione, Warren, 2013, p. 11]. Это предполагает, что индивиды

участвуют в процессе выдвижения, обсуждения и голосования за своих представителей и способны выступать как «деятельные граждане (citizen-agents)» [Castiglione, Warren, 2013].

Важным механизмом, посредством которого граждане в современном демократическом обществе вовлекаются в политический процесс и влияют на проводимую политику, является процесс обсуждения и выработки коллективных решений в пространстве гражданского общества или публичной сферы, описанный в концепции делиберативной (дискурсивной) демократии [Dryzek, 2000]. Один из наиболее влиятельных исследователей этого направления, получившего развитие начиная с 90-х годов, Джон Драйзек обращает внимание на различия между классической либеральной трактовкой демократии и делиберативной концепцией. Если с точки зрения первой главное значение для достижения демократического идеала имеет агрегация предпочтений или интересов в коллективные решения через голосование и представительство, то в случае с делиберативной концепцией сущность демократической легитимности состоит, напротив, в «способности *всех индивидов* (курсив мой. – Т. П.), затрагиваемых каким-либо принимаемым коллективным решением, участвовать в подлинном обсуждении данного решения» [Dryzek, 2000, p. V].

В процессе делиберации Драйзек усматривает саму суть демократии «в противоположность голосованию, агрегации интересов, конституционным правам или даже самоуправлению», подчеркивая при этом, что демократический контроль компетентных граждан за действиями власти является в процессе делиберации реальным, а не символическим [Dryzek, 2000, p. 1].

Н. Урбинати указывает на то, что главное в современной концепции представительства «не агрегация интересов, а сохранение разногласий, необходимых для сохранения свободы» [Political representation, 2011]. Она связывает проблематику делиберативной демократии с представительством, понимаемым как «защита интересов» (advocacy) в рамках агонистической концепции представительства, которая подчеркивает важность разногласий и риторики для процедур, практик и этоса демократии» [Political representation, 2011].

Как показывают современные теоретические дискуссии, проблематика демократии сегодня, в отличие от периода либерального модернити, в значительной мере связана не с формированием коллективной воли, складывающейся из множества соперничаю-

щих частных интересов групп и индивидов, а с легитимацией механизма «более равномерного распределения власти через наделение индивидов и сообществ социальными полномочиями (social empowerment) в качестве конечных акторов, принимающих решения» [Chandler, 2014, p. 46]¹.

Либеральному пониманию «формальной конститутивной власти народа (public), реализуемой через представительство», противопоставляется в новых концепциях «неформальная или социальная конститутивная власть народа» как преодолевающая недостатки и ограничения формальной представительной сферы [Dryzek, 2000, p. 2; см. также: Хардт, Негри, 2006; Вирно, 2013].

В ответ на проблемы, связанные с кризисом демократического представительства в эпоху возрастающей сложности и радикального изменения в отношениях между государством и обществом, предлагается распространить демократию на уровень повседневной жизни индивида. Личное в данном контексте становится политическим, а индивиды уполномочиваются рефлексировать относительно своего личного выбора и практик с целью повлиять на политическое изменение. Фактически в данной логике речь идет о самопредставительстве индивидов посредством повседневного принятия решений и их взаимодействия. В процессе формирования активных граждан, способных к рефлексии, происходит самоконституирование демократического общества [Dryzek, 2000, p. 4].

В целом такая постановка проблемы созвучна идеям сторонников партиципаторной демократии (демократии участия) относительно прямого правления просвещенных, образованных граждан. Так, Бенджамин Барбер, один из ее теоретиков, автор концепции «сильной демократии», подчеркивает, что «прямая демократия требует не просто участия, но гражданских навыков (civic skills) и гражданских добродетелей (civic virtues), необходимых для эффективной партиципаторной делиберации и принятия решений» [Barber, 1995, p. 923].

В концепциях теоретиков демократии прямое участие, как правило, не противопоставляется представительной демократии, а демократическое представительство определяется как «сложная политическая практика», которая не исключает участие и не препятст-

¹ Позиции данного направления в современной теоретической дискуссии излагает в своей статье английский исследователь Дэвид Чендле [Chandler, 2014].

вует ему, а, напротив, «поощряет и канализирует формы прямого участия», тем самым делая и представительство, и участие «более значимыми и эффективными» [Castiglione, Warren, 2013, p. 8].

Появление в современном западном обществе множества новых сфер для формулирования гражданами своих интересов, новых идентичностей и групп интересов потребовало и новых каналов для их выражения. Все это обусловило необходимость кардинального обновления самой концепции представительства с учетом новых форм индивидуального и группового представительства.

Усложнение политики в эпоху позднего Модерна, изменение ее характера, появление новых ее измерений (глобального и локального), выход политики за пределы институционального, электорального поля, изменения функций и роли основных политических институтов значительно осложняют ответ на вопрос о том, кто может быть легитимным представителем индивидов и групп граждан. Появляются все новые сферы и формы представительства, претендующие на демократическую легитимность.

Такие традиционные институты представительства, как политические партии, зачастую перестают выполнять присущую им функцию посредника между обществом и государством. В значительной мере эта функция переходит к организациям гражданского общества и массовым социальным движениям, которые являются новыми, неинституциональными формами представительства интересов, «новыми протагонистами в сфере агрегации и представительства различных интересов» [Della Porta, Diani, 1999, p. 5]. Гражданские организации и социальные движения, отражая интересы граждан и формулируя их как требования к публичной политике, вступают в отношения с политическими институтами в пространстве публичной сферы, осуществляют функцию критики и контроля за принимаемыми в их рамках политическими решениями [Habermas, 1996]. Таким образом, они обеспечивают доступ граждан к публичной сфере и становятся «средством участия для самых слабых и наименее организованных интересов», делая «представительство более равным» [Jenkins, 1995], что соответствует основному принципу демократии.

В целом можно констатировать, что в «старых» демократиях основной проблемой современного представительства является его демократическое обновление и дополнение политического представительства интересов граждан неполитическим, институцио-

нального – неинституциональным, опосредованных форм участия граждан в управлении обществом прямыми.

Что касается «новых» демократий, в том числе и российской, то их первостепенная задача – создание институциональной структуры политического представительства, присущей современным обществам и способствующей вовлечению граждан в политический процесс в качестве активных субъектов политического действия, а также формирование таких политических практик, которые способствовали институционализации представительства во всех его формах.

Представительство по-российски: Институциональные рамки и функции

Учитывая все вышесказанное, попытаемся оценить, какова же ситуация с представительством в современной России. Большинство исследователей российской политики, в том числе и участники проектов по изучению российского политического порядка и гражданской активности, которые реализовывались на протяжении ряда лет Отделом сравнительных политических исследований (ОСПИ) Института социологии РАН, приходят к выводу, что, несмотря на то, что формально в России демократические институты наличествуют, институт демократического представительства пока еще не сложился [Граждане и политические практики в современной России, 2011; Гражданское и политическое в российских общественных практиках, 2013].

С точки зрения указанных в первой части статьи критериев представительства, во-первых, не обеспечивается политическое равенство в выборном процессе – как в период предвыборной кампании, так и в ходе самих выборов, когда кандидаты от разных партий имеют неравные шансы в конкурентной борьбе.

Во-вторых, сами выборы не соответствуют критерию «свободных и честных». Известные отечественные исследователи правовых аспектов теории демократии А.С. Автономов и А.В. Иванченко отмечают, что «пока ни один российский правовой акт не дает определения понятия “свободные выборы” и не защищает их от давления ветвей власти, которые объективно заинтересованы в их исходе. Вмешатель-

ство государственных органов в процесс проведения выборов подрывает их легитимность» [Российское народовластие, 2003, с. 117].

В-третьих, избранные органы власти не являются подотчетными своим избирателям, и, следовательно, граждане практически не влияют на их действия.

Серьезной проблемой для формирования российских политических институтов, в том числе и института представительства, является то, что «демократические ценности и институты остаются “фасадными”, а реальные политические практики регулируются неформальными правилами, которыми руководствуются как рядовые граждане, так и партийные и властные структуры» [Павлова, 2006, с. 530]. На разрыв между формальными и неформальными нормами как препятствие для институционализации практик политического представительства обращают внимание и другие российские исследователи [Панеях, 2003, с. 37–38; Линецкий, 2008, с. 350]. Формально существующие институты демократии и представительства воспроизводят неформальные политические правила и оказываются встроенными в моноцентричную систему власти, отчего меняется само их содержание [Павлова, 2006, с. 531].

Известный американский исследователь демократии Рассел Далтон полагает, что для «новых» демократий первостепенное значение имеет развитие институциональных форм представительной демократии, тогда как демократия участия для них неприемлема вследствие отсутствия корпуса компетентных, активных граждан [Далтон, 1999, с. 336–337].

Можно согласиться с Далтоном в том, что для демократической трансформации сложившегося в России политического режима необходимы компетентные и активные граждане. Их формирование, как представляется, в значительной мере связано с появлением массовой политики, т.е. вовлечением в политику большинства граждан (прежде всего, через механизмы демократического представительства), освоением ими демократических норм и ценностей, а также со способностью демократически ориентированных граждан к политическому действию.

Данные проведенного ОСПИ летом 2014 г. социологического обследования позволяют проанализировать проблемы, связанные с массовым участием граждан, их отношением к различным формам массовой политики, прежде всего к представительству, а также с

теми нормами и ценностями, которыми руководствуются российские граждане в своем политическом поведении.

Отметим, прежде всего, что изменение российского политического и институционального контекстов в последние годы и в самые последние месяцы привело к заметным сдвигам в политических ориентациях наших граждан. Так, показательны ответы на вопрос: «Что более важно для России: развитие демократии или сильный лидер?». Если в опросе ОСПИ 2012 г., проведенном по аналогичной выборке, 44% респондентов поддерживали «развитие демократии», а 31% – «сильного лидера» [Гражданское и политическое в российских общественных практиках, 2013, с. 102], то в 2014 г. распределение ответов практически «перевернулось» – соответственно 36 и 48%. Сокращение числа ориентированных на развитие демократии и, напротив, рост поддержки «сильного лидера» связано, видимо, с определенным разочарованием людей в том, как работает демократия в России, и востребованностью в массовом сознании в переломные для страны периоды архетипов «сильной руки» и т.п.

Тенденцию к существенному снижению запроса на демократию дополняют изменения в отношении респондентов к политической конкуренции. В ответах на вопрос о пользе для современной России «конкуренции между различными политическими силами» или «единства различных политических сил» в обследовании 2012 г. соотношение между сторонниками конкуренции и приверженцами единства было, соответственно, 36 и 42%, а в опросе 2014 г. – уже 25 и 55%. То есть спустя два года примерное равенство позиций сменилось преобладающим перевесом приверженцев «единства») над сторонниками конкуренции. Характерно при этом, что доля «затруднившихся ответить» сохранилась на уровне 20%. Очевидно, что такое изменение в ориентациях стало следствием действий власти по мобилизации народной поддержки для легитимации курса на укрепление позиций государства, обоснованием которого стала защита от внешних угроз.

В данном контексте формирование института демократического представительства представляется весьма проблематичным. Тем не менее данные обследования говорят о том, что российские граждане демонстрируют востребованность представительства. Так, большинство (75%) респондентов ответили, что для них важно иметь возможность голосовать. 62% заявили, что всегда участ-

вуют в выборах президента, и 43% – Государственной думы. В качестве побудительного мотива участия в голосовании около половины опрошенных назвали «желание реализовать свое право выбирать», а 32% – желание «влиять на политику страны». Таким образом, участие в выборах является привычной для граждан массовой практикой.

Однако для формирования института представительства принципиально важно, каково содержание самой процедуры выборов: делегирование властных полномочий подотчетным обществу демократическим представителям в рамках конкурентной политической системы или же голосование за представляющие власть политические партии. Во втором случае выборы фактически превращаются в плебисцит и предназначены лишь для легитимации власти¹.

В данной связи показательны оценки респондентами политических партий, через которые, собственно, и реализуется представительство в демократической политической системе.

Так, лишь 31% ответивших считают, что в России есть политические партии, представляющие их интересы, тогда как 43% полагают, что таких партий нет. Между тем, по данным нашего исследования, в выборах в Государственную думу «всегда» или «иногда» участвуют около 80% респондентов. Следовательно, большая часть участвующих в выборах голосуют в условиях отсутствия каналов представительства их интересов и, таким образом, лишь легитимируют существующую систему власти. Значительное число (более 26%) затруднившихся в ответе на вопрос о партиях позволяет предположить, что они также не видят в партиях выразителей своих интересов.

Респонденты, всегда участвующие в выборах, вдвое чаще, чем респонденты, «голосующие иногда» или никогда не голосующие, полагают, что в России есть политические партии, которые действуют в интересах таких людей, как они. То есть активные из-

¹ Исследовавший мотивации электорального поведения в ходе репрезентативных социологических исследований ФОМа Г.Л. Кертман определяет существующую в России модель электорального выбора «плебисцитарно-альтернативной», рассматривая ее как результат «адаптации традиционалистской политической культуры к институциональным инновациям» [Кертман, 2011, с. 106].

биратели в большей степени ощущают, что их интересы представлены существующими партиями (см. табл. 1).

Таблица 1

Как часто Вы голосовали на выборах в Государственную думу?	Как Вы полагаете, есть ли в России политические партии, которые действуют в интересах таких людей, как Вы, или таких партий нет?	
	Да, такие партии есть	Нет таких партий
Всегда	40	36
Иногда	25	46
Никогда	23	52

В целом же отношение к партиям, как и к другим политическим институтам, характеризуется низким уровнем доверия, который фиксируется всеми проводившимися нами обследованиями последних 15 лет (см. табл. 2).

Таблица 2

Доверие к политическим институтам
Средний балл (1 – совсем не доверяю; 10 – полностью доверяю)

	Средний балл
Государственная дума России	4,6
Политические партии	4,3

Уровень удовлетворенности «работой» демократии в России – 4,8 (по 10-балльной шкале, где 1 – «совершенно не удовлетворен», а 10 – «полностью удовлетворен») оказывается ниже, чем весьма умеренная оценка степени демократичности нашей страны – 5,3 (по такой же шкале, где 1 – «совсем недемократическая», а 10 – «полностью демократическая»).

С целью более дифференцированного анализа отношения российских граждан к представительству и демократии в целом мы выделили несколько типологических групп респондентов на базе их представлений о демократическом правлении.

Наибольшее число респондентов (39%) высказались за представительную версию демократии («народ осуществляет власть через своих избранников в органах власти»). Версии прямой демократии («граждане принимают политические решения сами, без

посредников»), элитистской демократии («властные функции осуществляют профессионалы, имеющие знания и опыт») и плебисцитарной демократии («осуществление власти лидером, избранным большинством народа») поддержали, соответственно, 12, 18 и 18% респондентов.

Внутри групп респондентов, по-разному трактующих содержание демократического правления, соотношение сторонников развития демократии и сторонников сильного лидера значительно отличается. У «представительных демократов» оно почти равное и близко к среднему по выборке (39%), тогда как у «элитистов» и «плебисцитариев» число приверженцев сильного лидера более чем вдвое превышает количество сторонников развития демократии. Между тем у «прямых демократов» соотношение обратное: число выступающих за развитие демократии в два раза больше, чем число приверженцев сильного лидера (см. табл. 3).

Таблица 3

Какое из следующих определений более всего соответствует Вашим представлениям о демократическом правлении?	По Вашему мнению, что более важно для России: развитие демократии или сильный лидер?	
	Развитие демократии	Сильный лидер
Властные функции осуществляют профессионалы, имеющие знания и опыт	25	59
Граждане принимают политические решения сами, без посредников	59	31
Народ осуществляет власть через своих избранных в органах власти	45	42
Осуществление власти лидером, избранным большинством народа	25	65

Характерно, что количество сторонников единства (versus конкуренция) среди приверженцев плебисцитарной и элитистской версий демократии намного превышает среднее значение по выборке (соответственно, 70 и 66%). Эти группы людей готовы напрямую, без политических посредников, делегировать полномочия президенту и правительству ради «единения» общества. Конкуренция для них незначима: среди «плебисцитариев» ее поддерживают лишь 13%! Что касается сторонников представительной демократии, то среди них ориентирующихся на единство меньше,

чем в среднем по выборке, а сторонников конкуренции, напротив, больше (52 и 33%). Наконец, у «прямых демократов» сильнее выражена ориентация на конкуренцию и очевидно меньше – на единство (37 и 39%) (см. табл. 4).

Таблица 4

Какое из следующих определений более всего соответствует Вашим представлениям о демократическом правлении?	Как Вы считаете, что сегодня является более полезным для России?	
	Конкуренция между различными политическими силами	Единство различных политических сил
Властные функции осуществляют профессионалы, имеющие знания и опыт	22	66
Граждане принимают политические решения сами, без посредников	37	39
Народ осуществляет власть через своих избранных в органах власти	33	52
Осуществление власти лидером, избранным большинством народа	13	70

Именно группы прямой и представительной демократии – при очевидном различии исходных установок – остаются в поле демократического представительства, в отличие от групп элитарной и плебисцитарной интерпретаций демократического порядка.

Поле демократических представлений

Любопытно, что именно среди «плебисцитариев» (а не «представительных демократов») оказалось больше всего предпочитающих партию как форму политического объединения (37% против 30% по выборке в целом) по сравнению с другими формами – политическим движением и неформальной группой политических активистов (см. табл. 5).

Таблица 5

Какое из следующих определений более всего соответствует Вашим представлениям о демократическом правлении?	Какая форма политического объединения вызывает у Вас больше доверия?			
	Политическая партия	Политическое движение	Неформальная группа политических активистов	Не доверяю любым политическим объединениям
Властные функции осуществляют профессионалы, имеющие знания и опыт	34	12	6	26
Граждане принимают политические решения сами, без посредников	20	19	30	19
Народ осуществляет власть через своих избранных в органах власти	34	16	6	24
Осуществление власти лидером, избранным большинством народа	37	8	4	27

По-видимому, респонденты, готовые делегировать власть сильному лидеру, имеют в виду партию как институт, создаваемый сверху и реализующий политику лидера (такова модель «партии власти»; в данный момент это – «Единая Россия»), а не как выразителя интересов определенных социальных групп, реализующий функцию согласования интересов в пространстве политики. Вместе с тем лишь 8% «плебисцитариев» доверяют такой форме политического объединения, как политическое движение, и всего 4% – неформальным группам активистов. По-видимому, это обусловлено неприятием респондентами тех форм политических объединений, которые возникают, как правило, «снизу», спонтанно (политические движения¹ и неформальные группы), и являются, по признанию современных теоретиков демократии, наиболее гибким и современным способом представительства интересов, вовлечения в политику граждан, ранее исключенных из этой сферы.

¹ Хотя следует оговориться, что политические движения в нашей стране зачастую создаются сверху и служат не средством представительства интересов, а способом мобилизации с целью легитимации существующего режима.

Сторонники «прямой демократии», напротив, отдают предпочтение именно таким формам политического объединения. Можно предположить, что данная группа респондентов, полагая, что существующие политические партии не отстаивают в должной мере интересы граждан, видит в движениях и неформальных группах активистов новые, неинституциональные формы представительства интересов. Данное предположение подтверждается также анализом ответов на вопросы о формах демократического правления и партиях (см. табл. 6).

Таблица 6

Какое из следующих определений более всего соответствует Вашим представлениям о демократическом правлении?	Есть ли в России политические партии, которые действуют в интересах таких людей как, Вы?	
	Да, такие партии есть	Нет, таких партий
Властные функции осуществляют профессионалы, имеющие знания и опыт	37	41
Граждане принимают политические решения сами, без посредников	27	60
Народ осуществляет власть через своих избранников в органах власти	32	42
Осуществление власти лидером, избранным большинством народа	38	35

Если в среднем по выборке 43% ответили на данный вопрос отрицательно, то в группе «прямых демократов» таковых оказалось 60%. В то же время в группах «элитистов» и «плебисцитариев» число тех, кто ответил положительно, существенно превысило средний показатель по выборке (31%). Однако, как уже отмечалось, функция партии в понимании этих респондентов, очевидно, не представительство интересов, а мобилизация с целью легитимации власти лидера.

Группа сторонников прямой демократии отличается от других групп еще по целому ряду параметров. Так, в ней наибольшее количество респондентов смогли идентифицировать свои политические взгляды (см. табл. 7).

Таблица 7

Какое из следующих определений более всего соответствует Вашим представлениям о демократическом правлении?	Есть ли у Вас политические взгляды?			
	Да, есть	Скорее есть	Скорее нет	Нет
Властные функции осуществляют профессионалы, имеющие знания и опыт	26	44	17	7
Граждане принимают политические решения сами, без посредников	44	39	14	4
Народ осуществляет власть через своих избранников в органах власти	33	38	17	6
Осуществление власти лидером, избранным большинством народа	27	42	18	5

В этой же группе существенно больше, чем в других, число интересующихся политикой: 29% «очень интересующихся» (против 17% по выборке) и 42% «в некоторой степени интересующихся» (среднее значение – 46%), а также количество тех, кто считает себя «политически информированным»: 68 против 56% по выборке. Среди них также больше всего тех, кто получает политическую информацию в первую очередь из Интернета: 27% (среднее по выборке – 19%) (см. табл. 8).

Таблица 8

Какое из следующих определений более всего соответствует Вашим представлениям о демократическом правлении?	Насколько Вы интересуетесь политикой?			
	Очень интересуюсь	В некоторой степени интересуюсь	Мало интересуюсь	Совсем не интересуюсь
Властные функции осуществляют профессионалы, имеющие знания и опыт	16	52	23	7
Граждане принимают политические решения сами, без посредников	29	42	17	11
Народ осуществляет власть через своих избранников в органах власти	18	48	26	8
Осуществление власти лидером, избранным большинством народа	18	46	24	9

Можно, следовательно, сделать вывод, что именно эта группа включает в себя наиболее образованных, компетентных граждан, способных идентифицировать свои политические взгляды и ориентированных на прямое участие в политике. Показательны в данной связи ответы на вопрос о «личном участии в выступлениях граждан с политическими требованиями». В группе «прямых демократов» в таких акциях принимает участие около 40% респондентов, тогда как среднее число участвующих в политических акциях по всей выборке – около 18%. Наконец, среди них – рекордное количество тех, кто считает, что массовые протесты «ведут к позитивным изменениям в обществе»: 62% (против 34% в среднем) (см. табл. 9).

Таблица 9

Какое из следующих определений более всего соответствует Вашим представлениям о демократическом правлении?	Когда в Вашем городе, районе бывают митинги, демонстрации или другие выступления граждан с политическими требованиями, Вы лично принимаете в них участие?		
	Да, принимаю	Нет, не принимаю	В нашем городе, районе не бывает таких митингов, демонстраций
Властные функции осуществляют профессионалы, имеющие знания и опыт	18	66	13
Граждане принимают политические решения сами, без посредников	39	36	18
Народ осуществляет власть через своих избранников в органах власти	18	60	17
Осуществление власти лидером, избранным большинством народа	10	70	16

Однако что касается выборки в целом, то относительное большинство наших респондентов (около 43%) полагают, что массовые протесты «скорее разрушительны для общества», и лишь около 35% считают, что они «скорее ведут к позитивным изменениям».

Между тем современные исследователи представительства, о которых шла речь в первой части статьи – Б. Манен, Д. Кассильоне, Н. Урбинати, – указывают на стимулирующую роль протестных выступлений для институциональной системы демократического представительства, которая вынуждена реагировать на

недовольство определенных категорий граждан, совершенствуя политическую систему, делая ее более адаптивной, способной к саморегуляции. С. Хантингтон связывает адаптивность организации или процедуры с «давлением со стороны окружающей среды». «Чем больше требований предъявляет окружающая среда», тем большую адаптивность проявляет организация или система, – отмечает он. А чем более «адаптивна организация или процедура, тем выше уровень ее институционализации» [Хантингтон, 2004, с. 32]. Давление и требования могут, по Хантингтону, носить как медленный, постепенный характер, так и острый, конфликтный, часто – революционный характер.

Проблема российской, представительной по форме, а не по содержанию политической системы состоит как раз в том, что она не реагирует на давление и стимулы извне, демонстрируя не адаптивность, а ригидность (термин Хантингтона). А следовательно, не происходит и ее институционализации в качестве современной системы представительства.

Из четырех основных принципов представительного правления (которые сформулировал Б. Манен) два принципа на практике не реализуются. Это – выражение управляемыми своих мнений, суждений и политических предпочтений независимо от управляющих, а также испытание публичных решений дебатами [Манен, 2008, с. 15].

С большим трудом происходит институционализация политических партий как «организаций для структурирования участия масс в политической жизни». Партии, скорее, выполняют функцию мобилизации массовой поддержки и легитимации существующей власти.

Другой важный институт представительства – выборы – также ориентирован на воспроизводство и легитимацию наличного властного порядка, а не на включение значительной части граждан в политический процесс.

Можно, таким образом, констатировать, что «представительство по-русски» реализуется через практики участия, которые организуются сверху и не являются по сути своей демократическими практиками массового участия и представительства всего многообразия общественных интересов. Представляется, что источником институциональных изменений, т.е. изменений норм и практик, которыми руководствуются участвующие в политике гражд-

дане, и содержания самих институтов представительства могут служить, как показывают результаты нашего обследования 2014 г., так и предыдущего проекта 2011–2012 гг., группы активно участвующих в политике граждан, ориентированных на самоорганизацию и прямое политическое действие. Пока же результаты наших исследований демонстрируют преобладание «политики масс» с механизмами мобилизации участия «сверху», а не «массовой политики» – политики самоорганизации и массового участия активных граждан.

Список литературы

- Анкерсмит Ф.* Политическая репрезентация. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 288 с.
- Бек У.* Собственная жизнь в развязанном мире: индивидуализация, глобализация и политика: Доклад, сделанный 26 сентября 2002 года в Эрмитажном театре в Санкт-Петербурге. – Режим доступа: http://hq.soc.pu.ru/publications/pts/bek_3.shtml (Дата посещения: 13.04.2012.)
- Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 176 с.
- Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Отв. ред. Патрушев С.В. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 325 с.
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 525 с.
- Далтон Р.Дж.* Сравнительная политология: микроповеденческий аспект // Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999. – С. 330–344.
- Кертман Г.Л.* Плебисцитарно-альтернативная модель электорального выбора // Российская политика в условиях избирательного цикла 2011–2012 гг.: Всероссийская научная конференция (с международным участием): Тезисы докладов. Москва, 2–3 декабря 2011 г. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2011. – С. 105–106.
- Линецкий А.В.* Российские институты политического представительства в условиях радикальных общественных трансформаций: Опыт сравнительного анализа. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. – 375 с.
- Магун А.* Революция и кризис репрезентации // Логос. – М., 2012. – № 2. – С. 81–94.
- Манен Б.* Принципы представительного правления. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 324 с.
- Павлова Т.В.* Партийно-политические практики в России в контексте формирующегося политического порядка // Институциональная политология. Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред.

- С.В. Патрушева – М.: ИСП РАН, 2006. – Режим доступа: <http://rapn.ru/library.php?d=264&n=35&p=11> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Панейх Э.Л.* Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый // Политическая наука: Российская политика в теоретическом и сравнительном контексте. – М., 2003. – С. 33–52.
- Розанваллон П.* Контрдемократия: политика в эпоху недоверия // Неприкосновенный запас. – М., 2012. – № 4. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2577> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия / Под ред. А.В. Иванченко. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. – 300 с.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
- Barber B.* Participatory democracy / The encyclopedia of democracy: 4 Vol. / S.M. Lipset (ed.). – Vol. 3. – Washington, D.C.: Congressional Quarterly, 1995. – P. 923–924.
- Caiani M.* Capitale sociale, associazioni e democrazia deliberativa: associazioni e attivisti a Firenze: Paper presentato al panel «La democrazia discorsiva» al convegno annuale SISP. – Genova, 18–20 sept, 2002.
- Democracy transformed? Expanding political opportunities in advanced industrial democracies / Bruce E. Cain, Russell J. Dalton, Susan E. Scarrow (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – xviii, 309 p.
- Castiglione D., Warren M.E.* Rethinking representation: Seven theoretical issues / Paper prepared for Midwest Political Science Association Annual Conference. – Chicago, IL, April 6–10, 2005.
- Castiglione D., Warren M.E.* A New ecology of democratic representation? Eight theoretical issues // InTrasformazione: Rivista di storia delle idee. – Palermo, 2013. – N 2. – Mode of access: <http://www.intrasformazione.com/index.php/intrasformazione/article/download/86/pdf> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Chandler D.* Democracy unbound? Non-linear politics and the politicization of everyday life // European journal of social theory. – L., 2014. – Vol. 17, N 1. – P. 42–59.
- Dalton R.J.* Democracy and its citizens: Patterns of political change. – 1996. – Mode of access: <https://escholarship.org/uc/item/9pn25985#page-1> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Della Porta D., Diani M.* Social movements: An introduction. – Oxford: Basil Blackwell, 1999. – x, 326 p.
- Dryzek J.* Deliberative democracy and beyond: Liberals, critics, contestations. – N.Y.: Oxford univ. press, 2000. – vii, 195 p.
- Habermas J.* Fatti e norme: contributi a una teoria discorsiva del diritto e della democrazia. – Milano: Guerini Associati, 1996. – XV, 579 p.
- Landemore H.* Is representative democracy really democratic? Interview of Bernard Manin and Nadia Urbinati. – N.Y., Apr. 10, 2007 // La Vie des idées.fr. – Mode of access: http://www.booksandideas.net/IMG/pdf/20080327_manin_en.pdf (Дата посещения: 1.09.2014.)

- Jenkins J.C.* Social movements, political representation, and the state: An agenda and comparative framework // *The politics of social protest: Comparative perspectives on states and social movements* / J.C. Jenkins, B. Klandermans (eds.). – L.: UCL Press, 1995. – P. 3–13.
- Citizens and the State* / Klingeman H-D., Fuchs D. (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 1995. – xxi, 474 p.
- Norris P.* Democratic phoenix: Reinventing political activism. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – xiv, 290 p.
- Representation* / H. Pitkin (ed.). – N.Y., NY: Atherton press, 1969. – 202 p.
- Plotke D.* Representation is democracy // *Constellations*. – Oxford, 1997. – Vol. 4, N 1. – P. 19–34.
- Political representation* // *Stanford encyclopedia of philosophy*. – 2011. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/political-representation/> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Rehfeld A.* The concept of constituency: political representation, democratic legitimacy, and institutional design. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – xviii, 259 p.
- Representation* // *Britannica concise encyclopedia*. – Mode of access: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/498454/representation> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Representation* // *Columbia encyclopedia*. – N.Y., NY: Columbia univ. Press, 2013. [eBook].
- Urbinati N.* «Any form of government which is not representative is essentially an anomaly»: An analysis of the value and meaning of political indirectness / Paper for Yale Political Theory Workshop, 2006–2007. – 2006 a. – Nov. 9.
- Urbinati N.* Representative democracy: Principles and genealogy. – Chicago: Univ. of Chicago press, 2006 b. – 328 p.